

ПОЛИТОЛОГИЯ

О.Б. Подвинцев*

НЕРАВНОМЕРНОСТИ ПОСТИМПЕРСКОГО РАЗВИТИЯ И «КАЧЕСТВО ДЕМОКРАТИИ»

Крушение империи фактически всегда означает триумф и поражение демократии. С одной стороны, любое имперское образование, недемократично по своей сути в том, что касается отношений между «центром» и периферией (иначе империя не была бы империей, а представляла собой подлинное *содружество* стран и народов). С нашей точки зрения, суждения о том, что империя может быть «гарантом свободы разнообразия» (В. Кантор) или что «фундаментальный принцип империи – принцип многообразия или полное отсутствие какой-либо административно-политической, правовой, национальной, культурной или конфессиональной унификации» (Н.И. Цимбаев), являются любопытным показателем пределов процесса «реабилитации» термина «империя» в сознании части российского общества после распада Советского Союза. Но не более того. Поэтому распад данной системы означает *освобождение* составлявших ее компонентов. Отношения между ставшими независимыми частями постимперского пространства становятся более равными, каждая из этих частей получает значительно большие возможности для самостоятельного выбора путей развития и способов решения своих проблем. Именно с этой точки зрения распад каждой империи (если речь идет именно о распаде, а не о замене одной имперской системы на другую, возможно еще более жесткую) является продвижением демократии.

Но распад империи неизбежно приводит к кризису и прежнюю систему связей между государством и личностью, а следовательно, делает возможной ее замену на менее демократическую. Одна из причин в данном случае кроется в том, что в рамках империи, как правило, отсутствуют прочные политические структуры, которые по своей сути были бы альтернативны имперским институтам. В результате в новых независимых государствах вертикаль-

* Подвинцев Олег Борисович – директор Пермского филиала ИФиП УрО РАН, доктор политических наук.

власти может оказаться не менее, а даже более жесткой, чем в империи. К тому же при этом она будет «короче», а следовательно менее способной «амортизировать» произвол. Сразу после распада Советского Союза об этом предупреждал, например, социолог А.Ф. Филиппов: «При становлении государств, вынужденных противоборствовать универсальным силам империи, оформляется абсолютизм, в конструкции которого поначалу переносится слишком много от имперского полновластия»¹.

Кроме того, с распадом имперской системы приходит конец объективно выполняемой «цивилизаторской миссии» более развитых (в т.ч. и в политическом смысле) регионов империи по отношению к более отсталым. Обретя независимость, те могут замкнуться в панцире своих далеко не демократических традиций. Этому способствует то обстоятельство, что неизбежно происходит размежевание участвовавших в освободительном движении либеральных и националистических сил, и перевес, как правило, оказывается на стороне последних. Опять-таки сразу после распада СССР об этом писал, например, А. Кива: «Надо иметь в виду, что когда “сходятся вместе” задачи демократической и национально-демократической (национально-освободительной) революции, “национальное”, как правило, теснит “демократическое”»². В пользу такого вывода мог свидетельствовать как опыт распада «континентальных» Австро-Венгерской, Российской, Германской и Турецкой империй после первой мировой войны, так и опыт распада колониальных держав после второй. «Кто помнит крушение английской, французской и португальской колониальных империй и образование на их месте множества молодых государств, тот без труда может усмотреть сходство между теми процессами, которые происходили тогда, и теми, что происходят ныне у нас, – писал А. Кива – ... Заменяя слово “метрополия” на “центр” я как бы снова очутился в молодых государствах где-то в начале и даже середине 60-х гг.»³.

¹ *Филиппов А.Ф.* Наблюдатель империи. (Империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии, 1992. Т. 1. № 1. С. 112.

² *Кива А.* Сверхдержава разорившая сама себя // Международная жизнь, 1992. № 1. С. 21.

³ Там же. С. 20.

Следует вспомнить, что в 60-е гг. социально-политические реалии стран, добившихся своей независимости в результате крушения колониальных империй зачастую рассматривались как свидетельство полного провала «цивилизаторской миссии» как таковой. Американский социолог Э. Шилз полагал, например, что «культура центра в колониальных странах не способна пропитать периферию», и исходя из этого констатировал, что «ни одному из бывших колониальных обществ не удалось преобразоваться после получения независимости в современное массовое общество, гражданское в своей политической жизни»¹. Этот вывод, безусловно, содержал в себе не только зерно истины, но и большую долю преувеличения. Цивилизаторская миссия, безусловно, не была «пустой выдумкой», и обретение независимости вовсе не перечеркивало полностью ее результатов. Однако на первоначальном этапе при становлении молодых государств местные националисты и традиционалисты, как правило, оказываются в более благоприятном положении, чем демократы и сторонники прогресса. Сама парадигма процесса имперского распада, а также сопутствующие ему неурядицы, неустойчивость, раздоры способствуют такому изменению соотношения сил между бывшими союзниками по борьбе с имперским центром. Опыт развития многих бывших советских республик вновь подтвердил это.

Итак, в самом процессе распада империи заложены тенденции, ведущие как к расширению, так и к ограничению демократии. Однако их конкретное сочетание и результативность в каждом случае могут быть совершенно различными.

При сохранении в течение иногда весьма длительного исторического периода определенной целостности постимперского пространства (прежде всего с точки зрения неких общих черт сознания и культуры) дифференциация составляющих его стран и народов неизбежно усиливается. Это касается и состояния дел с демократией. Например, по результатам современного рейтинга государств мира, составленного авторитетной международной неправительственной организацией «Фридом хауз», в отношении таких

¹ Цит. по: Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 355.

значимых для состояния демократии показателей, как реализация на практике политических и гражданских прав и свобод населения, бывшие республики Советского Союза оказались разбросанными по всему списку, от одного его полюса до другого (при показателе 1 – наибольшее приближение к свободе, а 7 – максимальное удаление, рейтинг стран Балтии составляет 1 – в отношении политических и прав и 2 – в отношении гражданских, в то время как рейтинг Туркменистана – 7 и 7)¹. Примерно такая же дифференциация происходила и среди регионов Российской Федерации, рыхлость политического пространства которой в конце 1990-х – начале 2000-х гг. сделала столь востребованным термин «региональный политический режим».

Какие части империи от ее распада выиграют, а какие проиграют (в т.ч. и с точки зрения развития демократии) далеко не всегда можно предсказать заранее. Насколько предсказуемо было, например, в период распада державы Габсбургов, что на ее чешских и словацких землях будет установлен внутренне вполне устойчивый демократический режим, а венгерское территориальное ядро окажется под властью сменяющих друг друга авторитарных диктатур? Или, когда настала очередь Британской империи, то, что после ухода колонизаторов в Индии укрепится вестминстерская форма правления, будут проходить свободные выборы и открытая партийная борьба, а в Уганде вскоре придет к власти кровавый деспот?

Можно констатировать, в частности, что различия в развитии демократии не зависят напрямую от скорости распада империи. Плавный переход Австралии к независимости несколько не сказался на степени развития демократии в этой стране. Столь же плавный переход к независимости Южной Африки означал постепенное сползание к диктатуре.

Безусловно, значим для определения «шансов», которые имеет демократия на той или иной территории, уровень и характер экономического развития. Последний во многом определяет соотношение потерь и выгод для данной страны или региона в результате распада империи. Однако диктатура может быть установлена и

¹ См.: <http://www.freedomhouse.org/research/freeworld/2000/table1.htm> (Октябрь, 2000).

в условиях экономического кризиса, и при достаточном экономическом благополучии.

Важную роль, несомненно, играют различия в доимперском историческом опыте населения тех или иных территорий постимперского пространства, восходящие к тому времени традиции, а также тяготение различных участков постимперского пространства к тем или иным внешним «центрам притяжения».

И все же при этом, с нашей точки зрения, различия в состоянии дел с демократией в рамках постимперского пространства во многом обусловлены местом и особенностями развития той или иной страны в прежней политической имперской системе, а также общей ситуацией и расстановкой политических сил, сложившейся в этой стране в период распада данной системы. Это те основные внутренние условия, в которых происходит заполнение образующегося вакуума власти.

На основании этого представляется возможным выделить определенные типы постимперских стран и регионов.

1. «Гнилые местечки» постимперского пространства – территории слабые с точки зрения экономики и этнических притязаний населения, где, соответственно, отсутствуют значимые местные акторы. Их появление в качестве самостоятельных или автономных политических систем во многом обусловлено причудами административного деления, существовавшего внутри распавшейся империи. Такие территории легко могут быть «куплены» или «завоеваны» извне. Примерами в данном случае могут служить малые страны Центральной Америки после завоевания независимости от Испании. Немало таких стран было и среди государств, освободившихся от колониальной зависимости во второй половине XX столетия. Достаточно вспомнить, например, историю с вооруженным захватом Коморских островов отрядом международных авантюристов и наемников. Среди республик бывшего Советского Союза образований подобного типа нет. Но их довольно много на региональном уровне внутри РФ. Примерами могут служить Чукотка, Корякский, Коми-Пермяцкий округа, некоторые небольшие области. Если термин «несостоявшиеся государства» вообще имеет право на употребление, то он подходит, пожалуй, именно к данному типу.

2. «Вотчины режимов личной власти». В этих государствах и регионах уже должен наличествовать ресурс – экономический

или/и этнический – достаточный для обеспечения независимого или автономного существования. Однако, как правило, это территории, большинство населения которых в период распада империи не стремилось активно к независимости или самостоятельности и не было готово к ней. В условиях крушения прежней политической системы возникает вакуум власти и бонапартистская ситуация, в которой достаточно сильный руководитель, дистанцируясь от идеологий или навязывая свою, становится ключевым фактором формирования политического режима. Жесткость этого режима будет зависеть уже в основном от особенностей существующих традиций и конфигурации внешних полей воздействия. Крайним случаем в этом отношении, наверно, следует считать пресловутого императора Центральноафриканской империи Ж.-П. Бокассу. Но во главе режима в таких странах оказывались и значительно менее одиозные лидеры, в том числе те, кто с той или иной степенью успеха проводил политику модернизации. Под этот тип, безусловно подпадают государства Центральной Азии. Среди субъектов РФ к нему можно отнести не только многие республики – Татарстан, Башкортостан, Калмыкию, но и мегаполис Москву и ряд других регионов. В какой-то степени к этому типу сейчас можно отнести и Россию в целом.

3. «Территории доминирования идеологии». Это территории, где велась наиболее активная борьба в период распада империи. Идеологический фактор, игравший большую роль в этот период, сохраняет свое значение и в дальнейшем. Любая идеология в той или иной мере обладает тоталитарным потенциалом. В данных условиях речь идет, как правило, о той или иной разновидности национализма – либо разросшегося на волне борьбы за национальное освобождение, отгесняя после победы либеральных и прочих попутчиков, либо питаемого ущемленным достоинством и ностальгией по утраченному величию прежде господствовавшей нации. И то, и другое в случае экономических неурядиц и угрозы социальных потрясений чревато возможным установлением тоталитарного режима (классический германский пример). В других случаях ситуация может находить выражение в реальном ограничении прав и свобод отдельных категорий населения, преимущественно по национальному признаку (под данный тип подпадают постсоветские Латвия и Эстония). Однако здесь тоже очень мно-

гое зависит от предшествующего исторического опыта, традиций и внешних полей воздействия.

4. «Территории наличия институциональных конфликтов» (например между президентом и парламентом, губернатором и мэром). Расстановка сил, благоприятствующая возникновению таких конфликтов, также часто уходит своими корнями в ситуацию, связанную с распадом империи. Часто при этом речь идет о сложносоставных образованиях, конфигурация которых вызрела в теле империи, путем объединения различных территориальных или/и этнических элементов, и которым удалось сохранить ее, полностью или в большей степени, в условиях имперского распада. Эти образования могут быть как гигантскими (Индия, Украина), так и небольшими (Ливан, Дагестан). В то же время такой конфликт может иметь и другую основу. Демократия в случае наличия подобных конфликтов возникает стихийно, как следствие определенной расстановки сил и не имеет под собой достаточной базы, а соответственно, может легко прекратить свое существование, когда конфликт будет исчерпан. В то же время, если ситуация конфликта длится достаточно долго, может возникнуть «привыкание» к демократии. Можно сослаться с составителем рейтинга «демократичности» российских регионов Н.В. Петровым в том, что «для рейтинга электоральной демократичности и, хочется верить, для демократичности вообще, конфликты-противостояния, в том числе приводящие к смене власти на выборах, важнее, чем наличие “губернатора-демократа”»¹.

5. «Территории существующей или формирующейся системной демократии». Это территории, где в силу каких-либо причин, демократическая составляющая в антиимперском движении оказалась значительно сильнее консервативно-националистической, а позитивные последствия распада оказались сопоставимы с негативными. Этнический фактор на этих территориях не должен быть ярко выражен, а экономический потенциал, напротив, должен быть значителен. Развитию по этому пути должно способствовать выполнение данной территорией в рамках распавшейся имперской

¹ *Петров Е.В.* Пермская область оказалась демократичнее Москвы и Санкт-Петербурга // *Панорама исследований политики Прикамья: Альманах.* Вып. 2. Пермь, 2004. С. 123.

системы таких специфических, но разноплановых функций, как «торговый перевалочный пункт», «образовательный и научно-технологический центр», как ни парадоксально, «каторга» и др. В данном случае, помимо соперничества между собой сильных акторов, происходит процесс развития институтов гражданского общества и формирования политической культуры гражданского типа. При этом отсутствует доминирующая идеология. Такие общества в принципе могут сохранить свои характеристики, пережив приход к власти правителя, склонного к авторитаризму, и даже «перевоспитать» его.

Конечно, не каждый фрагмент постимперского пространства может быть отнесен к одному из данных типов в чистом виде. Естественно также, что с течением времени различные постимперские регионы и государства могут переходить из одного типа в другой. Рассмотренный критерий вообще не является абсолютным. Как следует из сказанного выше, речь идет лишь об одном факторе, влияющем на степень демократичности в рамках постимперского пространства. Но факторе, который представляется очень важным.